

Столѣтіе Дерптско-Юрьевского университета.

У насъ, въ Россіи, такъ мало университетовъ, что всякое болѣе или менѣе крупное событіе въ жизни отдѣльнаго университета дѣлается общимъ и для всѣхъ остальныхъ университетовъ. Въ особенности это сказалось и выяснилось на недавнемъ празднествѣ столѣтія Дерптско-Юрьевского университета. Связь между университетами подчеркивалась и въ текстѣ самихъ адресовъ и самымъ фактомъ присылки депутацій, иногда по нѣсколько чело-вѣкъ, отъ русскихъ университетовъ. Выяснились тутъ же на праздни-къ и тотъ матеріальный недостатокъ университетовъ, который такъ сильно препятствуетъ развитію науки и преподаванія, и тѣ огромные ре-зультаты, которыхъ наши университеты достигли съ малыми средствами сравнительно въ короткое время. Сто лѣтъ, которыя насчитываетъ за со-бой Дерптско-Юрьевскій университетъ,—время слишкомъ небольшое для университетской науки, если принять во вниманіе, что Парижскій и Праж-скій университеты давно уже отпраздновали свое пятисотлѣтіе, а цѣлый рядъ германскихъ университетовъ старше русскихъ втрое, вчетверо и бо-лѣе. Выяснилась тутъ же на празднествѣ и жажда просвѣщенія у насъ, которое къ настоящему времени сдѣлалось неотложной потребностью, о чемъ такъ громко и настойчиво раздаются теперь голоса въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Выяснился и тотъ гро-мадный, неуклонно увеличивающійся наплывъ слушателей, который указы-ваетъ на жизненность и руководящее значеніе университета и универси-тетской науки.

Таковы были общіе вопросы и положенія, невольно, силою самого хода вещей, выдвинувшіеся на этомъ скромномъ и достойномъ праздникѣ науки.

Высшее университетское образованіе было знакомо Балтійскому краю еще задолго до основанія Дерптскаго университета Александромъ I. По-граничное положеніе этого края, близость торговыхъ путей, могуществен-ные сосѣди, три религіи—православная Россія, католическая Польша, про-тестантская Швеція—служили для него постояннымъ и переменнымъ источ-никомъ счастья и несчастья. Городъ Дерптъ, нѣкогда основанный Ярослав-

вомъ, переходилъ изъ рукъ въ руки,—отъ Руси къ меченосцамъ, отъ меченосцевъ опять во владѣніе русскихъ при Иванѣ Грозномъ, но скоро былъ уступленъ полякамъ. Въ началѣ XVII вѣка онъ перешелъ къ Швеціи при Густавѣ Адольфѣ. Мѣстное населеніе только отчасти приняло германскую культуру. Причинами неудачной колонизаціи были постоянныя войны, сильно разорявшія страну, и сравнительно малый приливъ нѣмецкихъ колонистовъ изъ Германіи. Тогда какъ въ Померанію и Пруссію переселялись тысячами нѣмецкіе крестьяне со своей интенсивной культурой, въ Прибалтійскій край сотнями шли благородные нѣмецкіе рыцари на борьбу съ язычниками, облагали данью мѣстныя племена и мало входили въ ихъ нужды. Отсюда,—до сихъ поръ оставшееся недружелюбное отношеніе между этими двумя слоями населенія.

Густавъ Адольфъ нашелъ въ страпѣ полное разореніе. Онъ прежде всего старался упорядочить внутреннее устройство и управленіе, установить твердую власть и поднять культурное состояніе одичавшаго народа. Однимъ изъ главныхъ средствъ для этого онъ считалъ учрежденіе высшаго учебнаго заведенія—университета. 30 іюня 1632 года въ военномъ лагерѣ подъ Нюрнбергомъ онъ, незадолго до своей смерти, издаетъ декретъ объ учрежденіи въ Дерптѣ университета—*Academia Gustawiana*. Этотъ университетъ сравнивается въ правахъ и привилегіяхъ съ главнымъ шведскимъ университетомъ въ Упсалѣ. По обычаю того времени были учреждены четыре факультета: философскій, богословскій, юридическій и медицинскій, на филологическомъ одиннадцать кафедръ, на богословскомъ—четыре, на юридическомъ—двѣ, на медицинскомъ—двѣ; преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ. Представителемъ шведскаго правительства были канцлеръ и проканцлеръ по назначенію короля. Канцлеръ утверждалъ выборнаго ректора. Первымъ канцлеромъ университета былъ Іоаннъ Скитте, ректоромъ его сынъ Яковъ Скитте, проректоромъ профессоръ богословія Виргиніусъ *). Университетъ пользовался автономіей и составлялъ коллегію профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Планъ занятій, веденіе внутренняго управленія, судъ надъ профессорами и студентами предоставленъ былъ самому университету. Чтобы добыть средства, къ университету были приписаны особыя земли и помѣстья, доходы съ которыхъ должны были обезпечивать дальнѣйшій успѣшный ходъ занятій. Но въ скоромъ времени оказалось, что средствъ этихъ было слишкомъ недостаточно, профессоры принуждены были занимать частныя должности. Управленіе земельнымъ надѣломъ переходило отъ правительства къ университету и обратно, но понятно, что благосостояніе университета отъ этого не могло особенно возрасти. При всякомъ удобномъ случаѣ профессоры бѣжали изъ университета, часто окончательно покидая научную дѣятельность, и поступали на болѣе обезпечивающія ихъ положенія должности; къ тому же присоединя-

*) *Е. В. Пытуховъ*: „Императорскій Юрьевскій, бывш. Дерптскій университетъ за сто лѣтъ“. Юрьевъ, 1902 г. Томъ I, стр. 53—54 и далѣе.

лась вражда между шведскими завоевателями и покоренными нѣмцами. Мѣстные землевладѣльцы—нѣмецкіе рыцари и дворянство, не хотѣли помѣщать своихъ сыновей въ шведскій Дерптскій университетъ и предпочитали по установившемуся уже прежде обычаю имѣть дѣло съ иностранными германскими университетами. Поэтому большинство студентовъ было шведы и финны, профессорами же приглашенные нѣмцы, такъ какъ въ самой Швеціи нехватало ученыхъ шведовъ и для Упсальскаго университета. Въ общемъ за 24 года своего существованія Academia Gustawiana выпустила 1,011 студентовъ, изъ нихъ многіе впоследствии сдѣлались видными научными дѣятелями.

Университетская жизнь прекратилась, какъ только Дерптъ перешелъ отъ Швеціи къ Россіи въ 1656 году при Алексѣѣ Михайловичѣ. Профессоры и студенты разбѣжались, бібліотека университета и типографія были тщательно спрятаны въ церковныхъ подвалахъ и пролежала до того времени, пока Дерптъ снова не перешелъ во владѣніе Швеціи по миру 1661 г.

Вторично возникаетъ университетъ въ 1690 году въ Дерптѣ при Карлѣ XI подъ названіемъ Academia Gustavo-Carolina на прежнихъ основаніяхъ. Средства доставляются приписанными помѣстьями въ прежнихъ размѣрахъ, но количество кафедръ уменьшено. Этотъ второй университетъ могъ просуществовать только 20 лѣтъ, до занятія Лифляндіи войсками Петра I въ 1710 году. Интересный матеріалъ для быта студентовъ XVII вѣка даютъ статуты Карла XI. Такъ, студентъ долженъ былъ совершенствоваться не только въ научномъ, но и въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи, всѣ занятія направлять къ славлѣ Божіей. Это ему предписываетъ параграфъ первый устава. Насколько же требованія перваго параграфа расходились съ жизнью, можно заключить изъ продолженія устава,—такъ, параграфъ четвертый предупреждаетъ, что, если студентъ въ воскресный или праздничный день не придетъ въ церковь, а будетъ разгуливать по площади или въ окрестностяхъ города, то ему грозитъ заключеніе въ карцеръ. Что касается нравственной жизни, то студенту вообще запрещалось причинять кому-либо обиду, насиліе, лгать, драться, дѣлать нападенія на дома, «выбивать окна и вышибать двери». Въ трактирѣ можно сидѣть до 9 часовъ вечера, шпагу обнажать только въ крайнихъ случаяхъ для самозащиты. Дуэли воспрещались вовсе, точно также запрещались всевозможныя собранія, устройство обществъ и т. п. Заслушаніе грозило заключеніе въ карцеръ и перѣдко удаленіе изъ университета. Несмотря на эти строгости устава, происходили настоящія побоища между горожанами и студентами, перѣдко заканчивавшіяся смертью нѣсколькихъ участниковъ. Студенты на улицахъ сталкивались съ военными и вступали въ драку, однажды они напали на солдатъ мѣстнаго гарнизона. Часто причиной была вообще національная вражда между шведами и коренными нѣмцами. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ университетское образованіе давало особыя привилегіи,—такъ, студента нельзя было задержать и арестовать безъ вѣдома университетскаго управленія на разстояніи шэ-

сти миль отъ города, студентъ освобождался отъ военной службы и отъ всѣхъ налоговъ, вмѣсто себя могъ ставить поручителей и т. п.

Такъ шла университетская жизнь до новой тревоги. Русскія войска подвигались ближе къ Дерниту. Безпокойныя военныя событія заставили профессоровъ въ 1699 году перейти въ Перновъ, подальше на западъ, къ морю. Въ Перновѣ университетъ влачилъ жалкое существованіе, многие студенты переселились въ Швецію и за границу, средствъ не было и кромѣ того постоянно грозило нашествіе русскихъ. Петръ I желалъ оставить высшую школу въ вѣдѣніи нѣмецкаго рыцарства, удержавъ за собой право высшаго контроля и назначенія одного профессора по славянскому языку *), но городскіе жители разбѣжались, и университетъ въ 1710 году надолго прекратилъ свое существованіе.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія—отсутствіе матеріальныхъ средствъ, постоянныя военныя тревоги, національную рознь,—этотъ шведскій университетъ сыгралъ большую роль въ исторіи высшаго образованія Прибалтійскаго края. Даже между двумя періодами своего официальнаго существованія въ XVII вѣкѣ онъ жилъ самостоятельной жизнью въ Ревелѣ, куда удалилась часть профессоровъ и студентовъ, да и послѣ 1710 г. идея объ университетскомъ образованіи была жива среди мѣстнаго рыцарскаго и дворянскаго населенія. На это указываютъ въ XVIII в. постоянныя ходатайства, идущія изъ Прибалтійскаго края о возобновленіи университета то въ Дерптѣ, то въ Перновѣ, то въ Митавѣ. Правительства XVIII вѣка въ общемъ не высказывались отрицательно къ этимъ стремленіямъ и просьбамъ, иногда даже заранѣе назначались кураторы университета, а при Екатеринѣ II этому несуществующему университету было присвоено даже названіе «Academia Cathariniana». Были даны обѣщанія устроить университетъ и не только для Балтійскаго края, но еще и въ Черниговѣ и въ Пензѣ!... Это было въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, во время широкихъ заявленій, милостивыхъ рескриптовъ, во время увлеченія теоріями западныхъ энциклопедистовъ, наканунѣ созыва коммисіи для составленія проекта новаго уложенія. Вскорѣ взгляды императрицы измѣнились кореннымъ образомъ и Остзейскій край такъ и не увидѣлъ Academia Cathariniana.

Наконецъ, по прошествіи почти цѣлаго вѣка университетскій вопросъ впервые серьезно ставится при Павлѣ I уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ восшествія на престолъ, а боязнь революціонной заразы съ запада ускорила его разрѣшеніе. Молодымъ людямъ было запрещено ѣздить учиться за границу «по причинѣ возникшихъ нынѣ въ иностранныхъ училищахъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подпускающихъ» и т. д. Тѣмъ же указомъ **) предлагалось рыцарству курляндскому, лифляндскому и эстляндскому из-

*) П. С. З. Р. И., т. IV, № 2,304.

**) П. С. З. Р. И., т. 25, № 18.

брать городъ для университета и затѣмъ устроить его. Нѣсколько раньше Прибалтійскому краю были возвращены Павломъ I многія права по самоуправленію. Все это подняло мѣстную жизнь и придало энергіи,—составились коммисіи изъ мѣстнаго дворянства для детальной разработки вопроса объ университетѣ. Правительство отвело мѣсто для построекъ—именно обширную площадь земли въ центрѣ Дерпта, такъ называемый Домбергъ, и опять попрежнему къ университету были прирѣзаны земли, которыя могли приносить дохода около 20 тысячъ рублей въ годъ. Дворянство учредило специальный подушный сборъ, благодаря которому въ три года было собрано до 85 тысячъ рублей. Въ концѣ царствованія Павла I въ правительственныхъ сферахъ опять начались колебанія, возникъ проектъ перенести новоучреждаемый университетъ изъ Дерпта въ Митаву, и рѣшеніе этого вопроса было окончено указомъ 5 января 1802 г. *) уже въ слѣдующемъ царствованіи. Университетъ остался въ Дерптѣ, содержаніе его взято на казенный счетъ, земли оставлены и кромѣ того на постройку зданія было отпущено 45 тыс. рублей. Черезъ три мѣсяца начали записываться молодые люди въ число слушателей, а вскорѣ 22 апрѣля послѣдовало и торжественное открытіе самаго университета. Особыя привилегіи, исключительныя матеріальныя средства были дарованы университету «Актомъ постановленія», помѣченнымъ 12 декабря 1802 года. Этотъ день съ тѣхъ поръ и сталъ считаться днемъ основанія университета и днемъ годичнаго акта, а вскорѣ послѣдовалъ и уставъ (8 сентября 1803 г.).

Университетъ учреждался «на вѣчныя времена для имперіи нашей, а въ особенности для губерній: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской», причемъ университетъ былъ взятъ подъ «особенное наше покровительство» и получалъ право «имѣть свою внутреннюю расправу и полное начальство надъ всѣми членами своими подчиненными, равно надъ ихъ семьями», т.-е. получилъ свой гражданскій и уголовный судъ. «Актъ» на первое время устанавливалъ выдачу изъ государственнаго казначейства ежегодно по 120 тысячъ для нуждъ университета и полную автономію въ дѣлахъ внутренняго управленія. Ректора сталъ выбирать изъ своей среды совѣтъ профессоровъ, выборъ утверждалъ самъ государь. Жалованье профессорамъ было положено по двѣ тысячи рублей въ годъ, причемъ по прошествіи 25 лѣтъ это жалованье обращалось въ пенсію. Завѣдованіе экономическими дѣлами университета было поручено «кураторіуму», состоявшемуся изъ трехъ выборныхъ дворянъ отъ трехъ остзейскихъ губерній. Впослѣдствіи у университета были не разъ столкновенія съ этимъ «кураторіумомъ» и скоро онъ былъ упраздненъ. Къ открытію университета были налицо профессора: Эверсъ, Парротъ, Мютель, Еше, Балькъ, Пешманъ, Стиксъ, Германъ, Арцъ и затѣмъ: Гецель, Беллендорфъ, Мейеръ, очень популярный филологъ Моргенштернъ и знаменитые: хирургъ

*) П. С. З. Р. И., т. 27, № 20, 104.

Мейеръ—учитель Пирогова и физиологъ-анатомъ Бурдахъ. Лекціи начались съ 1 мая и первый семестръ длился два мѣсяца, затѣмъ годъ дѣлился на два семестра съ 1 февраля по 1 іюля и съ 1 августа по 1 января. Въ университетъ поступили въ первомъ семестрѣ 31 человекъ (16 на юридическій факультетъ, 7 на богословскій, 6 на медицинскій и 2 на филологическій), во второмъ семестрѣ прибыло еще 15 студентовъ.

Съ первыми годами жизни и дѣятельности университета тѣсно связано имя Паррота. Въ 1802 г. Александръ I, отправляясь въ Мемель на свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III прусскимъ, по дорогѣ заѣхалъ въ Дерптъ, чтобы осмотрѣть университетъ. Здѣсь его встрѣтилъ рѣчью молодой профессоръ «теоретической и опытной физики» Георгъ Фридрихъ Парротъ. Эта рѣчь такъ понравилась государю, что онъ захотѣлъ получить ея текстъ, а затѣмъ Парротъ былъ вызванъ въ Петербургъ на аудіенцію. Съ этого времени и начинается сближеніе между молодымъ идеалистомъ-профессоромъ и императоромъ, въ то время занятымъ составленіемъ плановъ, проектовъ и осуществленіемъ реформъ по внутреннему управленію. Эти планы часто были настолько идеалистичны, что «неофициальный комитетъ», гдѣ они вырабатывались, получилъ прозваніе «*comité du salut public*». Парротъ по своей натурѣ шелъ въ уровень съ неофициальнымъ комитетомъ. Искренность, безкорыстная преданность и любовь къ человѣчеству и наукѣ, выразившіяся въ привѣтственной рѣчи Паррота, произвели сильное впечатлѣніе на императора. Очень скоро Парротъ сдѣлался близкимъ лицомъ при дворѣ; онъ лично переписывался съ государемъ, пріѣзжая въ Петербургъ, шелъ прямо въ его кабинетъ, гдѣ просиживалъ иногда по нѣсколько часовъ. Въ своихъ письмахъ къ императору онъ не только касался правительственныхъ дѣлъ и мѣропріятій, но часто писалъ и о своей личной жизни, семейныхъ радостяхъ и горестяхъ. Онъ былъ нѣсколько такимъ мечтателемъ, который, найдя идею, настолько проникается и воодушевляется ею, что она становится для него вмѣсто отвлеченной мечты живымъ фактомъ. Онъ былъ на 10 лѣтъ старше императора, въ молодости странствовалъ по Европѣ и почти случайно попалъ въ Россію, но черствая житейская мудрость не убила въ немъ пылкаго идеалистическаго темперамента. Онъ былъ настолько же разсудительнымъ менторомъ Александра I, насколько и вдохновителемъ плановъ и широкихъ иллюзій. Впослѣдствіи эта черта характера Паррота примиряла его нѣсколько рационалистическое воззрѣніе на природу, выработанное подъ вліяніемъ философіи и науки XVIII в., съ туманнымъ мистицизмомъ Александра I. Дружба превратилась съ одной стороны въ привязанность, а со стороны Паррота въ нѣжное чувство любви. Прямодушіе, смѣлость, безкорыстіе и преданность истинѣ, а кромѣ того, близость и особое положеніе при императорѣ часто позволяли Парроту произносить непринужденно рѣзкія сужденія и поступать открыто и рѣшительно. Таковъ былъ первый выборный ректоръ и устроитель дерптскаго университета. Онъ всячески заботился о новомъ высшемъ учебномъ заведеніи, добывалъ льготы, устраивалъ учебно-

вспомогательныя учрежденія, особенно физическій кабинетъ, который по своимъ приборамъ къ концу 1821 года оцѣнивался почти въ 70 тысячъ рублей, причемъ многіе приборы были сдѣланы по проектамъ самого Паррота. Попечителемъ университета былъ назначенъ Клингеръ, личный другъ Паррота, писатель эпохи Sturm und Drang, впоследствии крупное административное лицо при Александрѣ I. Въ началѣ его отношенія къ университету носили характеръ дружеской заботы и помощи, но впоследствии сильно измѣнились и превратились въ рѣзкій административный контроль. Причиной этой перемѣны въ управленіи Клингера были частыя несогласія съ профессорскимъ совѣтомъ, доходившія иногда до рѣзкихъ столкновеній, въ ссорахъ профессоровъ между собой, иногда заканчивавшихся тѣмъ, что поссорившіяся стороны жаловались другъ на друга попечителю съ условіемъ aut-aut... Такъ, напримѣръ, было при столкновеніи Мейера съ Горномъ, причемъ послѣдній долженъ былъ уйти въ 1810 году въ отставку. Къ этому присоединилось и то, что не всѣ первые профессеры стояли на должной высотѣ научныхъ знаній, были среди нихъ и адвокаты, давно бросившіе практику, и учителя среднихъ школъ, давно позабывшіе свои предметы. Все это объяснялось недостаткомъ нужныхъ людей. Самъ Парротъ въ одномъ письмѣ къ Моргенштерну называетъ философскій факультетъ «философскимъ сбродомъ» (Philosophiengesindel) *). На медицинскомъ факультетѣ были такіе ненужные старики, которые на лекціяхъ доказывали пользу изученія греческаго языка, «потому что Гиппократъ и Галенъ были великіе врачи», или жаловались въ университетскій судъ на своихъ служаковъ, обвиняя ихъ въ кражѣ старыхъ башмаковъ. Много интереснаго, относящагося къ жизни университета этого времени можно найти въ автобіографіи бывшаго студента, впоследствии знаменитаго профессора дерптскаго университета К. Э. фонъ-Бера, и въ воспоминаніяхъ профессора Бурдаха. Но были профессеры, съ самаго начала жизни университета заявившіе себя неутомимой дѣятельностью, многочисленными научными трудами, умѣніемъ и любовью къ преподаванію. Высокой нравственностью и всеобщимъ уваженіемъ пользовался профессоръ догматики патріархъ Лоренцъ Эверсъ, котораго Жуковскій называетъ святымъ, ему онъ написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Старцу Эверсу». Затѣмъ знаменитый фізіологъ и анатомъ Бурдахъ, хирургъ Мейеръ, воспитавшій цѣлый рядъ хирурговъ, въ числѣ ихъ Н. И. Пирогова, впоследствии также профессора дерптскаго университета. Затѣмъ, кромѣ самого Паррота, гуманистъ профессоръ краснорѣчія, классической филологіи и эстетики, Моргенштерпъ, профессоръ русской исторіи Густавъ Эверсъ, философіи—Еше, натуральной исторіи—Ледебургъ.

Составъ молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ въ теченіе первыхъ лѣтъ, по научной подготовкѣ подходилъ соотвѣтственно къ со-

*) Е. В. Пятуховъ: „Императорскій юрьевскій, бывшій дерптскій университетъ за сто лѣтъ“. Томъ I. Юрьевъ, 1902 г., стр. 266 и др.

ставу профессоровъ. Среднихъ учебныхъ заведеній было мало, въ большинствѣ случаевъ это были частныя пансіоны, гдѣ преподаваніе велось въ высшей степени строго, часто жестоко и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣли научить очень немногому. Поэтому большинство студентовъ были крайне недостаточно подготовлены къ занятіямъ въ университетѣ. Были среди студентовъ и получившіе предварительное хорошее домашнее образование, иногда даже раньше побывавшіе за границей, но такіе составляли исключеніе. Университетскій курсъ длился обыкновенно три года, и по желанію, его можно было всегда продлить на нѣкоторое время, экзамены производились только при окончаніи курса передъ выпускомъ. По первому уставу 1803 года пять тысячъ рублей раздавались студентамъ каждый годъ въ видѣ стипендій. Съ перваго же года стали появляться и частныя стипендіи. Для поощренія къ занятіямъ предлагались сочиненія по конкурсу на медали и первое присужденіе медалей происходило въ 1805 году. Несмотря на эти побудительныя мѣры, любовь къ наукѣ туго прививалась въ студенческой средѣ, объ этомъ мы имѣемъ массу свидѣтельствъ въ воспоминаніяхъ самихъ студентовъ, автобіографіяхъ, запискахъ мѣстныхъ жителей, наконецъ, въ официальныхъ данихъ, въ дѣлахъ университетскаго суда и т. п. Часть вины падаетъ и на нѣсколькихъ профессоровъ, которые сами не могли ничему научить или небрежно относились къ своимъ обязанностямъ. Часто студенты разѣзжались по домамъ задолго до окончанія семестра и профессоры останавливали чтеніе лекцій «за неимѣніемъ слушателей», иногда же студенты собирались въ аудиторіи чаще, чѣмъ туда приходилъ профессоръ. Жизнь студентовъ, этихъ привилегированныхъ «академическихъ гражданъ», проходила весело и бурно. Университетъ ревностно защищалъ своихъ питомцевъ, и имъ нерѣдко сходили съ рукъ такіе проступки, какъ сопротивленіе военному патрулю, битые оконныхъ рамъ у нелюбимыхъ горожанъ, иногда даже у профессоровъ, такъ что попечитель Клинггеръ писалъ ректору въ 1811 году: «профессоры, которые не нравятся студентамъ, сдѣлаютъ всего лучше, если будутъ имѣть свои окна не на улицу, а во дворъ»: Наказаніемъ служило заключеніе въ карцеръ, очень рѣдко исключеніе изъ университета. Въ карцеръ время проходило очень весело, такъ какъ туда имѣли доступъ и студенты и лица обоего пола, не причастныя къ университету. Беспорядки и драки принимали иногда массовый характеръ; возбужденіе достигало настолько высокой степени, что временами студенту было опасно показаться на улицѣ, такъ какъ граждане, и особенно среди нихъ ремесленники, видѣли въ каждомъ студентѣ своего отчаяннаго и несправедливаго врага. Надо замѣтить, что всѣ эти буйства носили на себѣ характеръ разгула, малокультурности и только отнюдь не имѣли политическаго свойства. Понемногу студенты стали объединяться въ корпораціи; въ 1807—1809 году появляется существующая и въ настоящее время корпорація *Sigonia*. Независимо отъ корпорацій было дѣленіе по факультетамъ. Во главѣ факультета стоялъ выборный товарищами студентъ «*senior*»; онъ завѣдывалъ кассой, собраніями, процессіями, сходками и т. п.

Все это, за исключеніемъ кассы, хотя официально и не было утверждено, но допускалось университетскимъ совѣтомъ. Факультетскія общества скоро распались, уже къ 1820 году, корпораціи пережили и въ послѣдствіи прочно организовались, получивъ officialный уставъ. Устройство этихъ корпорацій создавалось по образцу корпорацій нѣмецкихъ университетовъ. Вообще, съ Германіей дерптскій университетъ находился въ тѣсной связи. Оттуда онъ получалъ своихъ профессоровъ, перенималъ вмѣстѣ съ новыми открытіями въ экспериментальныхъ наукахъ и новыя умственные теченія въ общеобразовательныхъ наукахъ. Всему этому способствовали свобода сношеній и отсутствіе цензуры для университета. Университетъ имѣлъ въ Германіи своего собственнаго агента, который исполнялъ всѣ порученія. Инструменты, книги, газеты получались безпрепятственно, и наука въ то время пользовалась полной свободой, что и не замедлило оправдаться блестящими и благородными результатами. Связь съ Россіей выразилась во время войны съ Наполеономъ 12 года. Клиники дерптскаго университета служили лазаретомъ для больныхъ и раненыхъ въ арміи, много медиковъ было выпущено въ дѣйствующія войска; часть студентовъ медицинскаго факультета работала въ Ригѣ, гдѣ появился въ большихъ размѣрахъ голодный тифъ. На войну въ качествѣ волонтеровъ отправились не только студенты, но и два профессора: Кайсаровъ и Рамбахъ, причемъ первый изъ нихъ былъ убитъ въ сраженіи при Гайнау. Связь съ мѣстнымъ обществомъ выразилась въ открытіи (1814 г.) «Academische Musse», существующаго и въ настоящее время. Это было учрежденіе съ общественнымъ характеромъ, вродѣ клуба. Оно возникло по инициативѣ профессоровъ и студентовъ и по уставу задавалось цѣлью доставить возможность лицамъ изъ общества, а также и всѣмъ причастнымъ къ университету, прилично и безъ особыхъ матеріальныхъ затратъ проводить свободное время. Для этого устраивались литературныя бесѣды, балы, концерты, выставки и т. п., выписывались книги и журналы. Общество Academische Musse имѣло большой успѣхъ, посѣтителей всегда было много и вечера получили пзвѣстность. По уставу во главѣ правленія стояли девять директоровъ, изъ нихъ шесть профессоровъ и трое постороннихъ. Студенты также выбирали 9 представителей, которые дежурили наравнѣ съ директорами.

Понемногу университетъ сталъ входить въ норму. Въ продолженіе десяти лѣтъ возникли главнѣйшія зданія—на Домбергѣ три клиники: «медицинская, хирургическая и повивальнаго искусства», анатомическій театръ, обсерваторія. Былъ устроенъ ботаническій садъ и возведено главное зданіе университета, гдѣ помѣщались, да помѣщаются и понынѣ: актовъ залъ, аудиторіи и канцелярія. Затѣмъ библіотека, фیزیологическій и минералогическій кабинетъ, музей изящныхъ искусствъ. На постройки въ общей сложности до 1810 года было истрачено 805½ тыс. руб. Общее число студентовъ было въ первомъ году существованія университета—46 чел., въ 1810 г. — 217 чел., въ 1822 г. — 301 чел. Изъ нихъ сначала боль-

шинство поступало на юридическій факультетъ, но скоро медицинскій факультетъ занялъ первое мѣсто, которое остается за нимъ и понынѣ. Уже въ 1822 году общее число слушателей распадалось по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: богословскій факультетъ—64, юридическій—62, медицинскій—111, философскій—64. Такое замѣтное увеличеніе числа медиковъ объясняется главнымъ образомъ особенно хорошимъ оборудованіемъ факультета всевозможными учебно-вспомогательными средствами и составомъ профессоровъ, тогда какъ юридическій факультетъ долго оставался въ тѣни. Большинство молодыхъ людей были уроженцами мѣстныхъ губерній и по вѣроисповѣданію лютеране. Нѣмецкій языкъ былъ господствующимъ, но нѣкоторыя лекціи читались на латинскомъ языкѣ.

Въ 1820 г. былъ введенъ новый уставъ, а не задолго передъ тѣмъ, уже при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія А. Н. Голицынкѣ и попечителѣ князѣ Ливенѣ, въ 1817 г., университету были сильно увеличены штаты до 337 тыс. руб. ассигнаціями ежегодно. Послѣднее обстоятельство также сильно содѣйствовало скорѣ послѣдовавшему расцвѣту университетской жизни и науки. Послѣдніе годы царствованія Александра I вмѣстѣ съ наступившей реакціей не замедлили отозваться и на университетѣ: къ нему стали относиться холоднѣе и сдержаннѣе, прежнее увлеченіе исчезло, Парротъ утерялъ почти все свое прежнее вліяніе, отношенія къ нему Александра I измѣнились, а когда Парротъ представилъ попечителю Ливену записку для передачи императору, то Ливень записку задержалъ, и написалъ Парроту: «Я убѣжденъ, что для государства и человѣчества было бы лучше, если бы люди менѣе стремились учить и управлять, чѣмъ повиноваться и точно исполнять установленныя правила» *). Ливень былъ послѣдовательный мистикъ и сблизился съ проф. Эверсомъ, популярнымъ какъ среди своихъ товарищей, такъ и среди студентовъ. Впослѣдствіи, когда Ливень былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія при императорѣ Николаѣ I, отношенія Дерптскаго университета къ петербургскому правительству не измѣнились,—они достигли извѣстной официальной нормы. Въ общемъ же Ливень даже содѣйствовалъ упорядоченію учебной части университета и матеріальнаго благосостоянія. Сверхсмѣтныя ассигновки за время его управленія достигли милліона рублей, были учреждены при университетѣ педагогическо-филологическая семинарія, медицинскій институтъ, профессорскій институтъ, богословская семинарія, приобрѣтены различныя коллекціи, возведены новыя зданія и т. п.

Возрожденіе Германіи, убійство Конецбу Зандомъ повлекли за собой цѣлый рядъ репрессій,—было запрещено принимать въ Дерптскій университетъ студентовъ, обучавшихся за границей; находившихся въ заграничныхъ университетахъ русскихъ подданныхъ изъ остзейскаго края приказано было вызвать обратно. Профессоръ Снелль, замѣшанный еще въ Германіи въ политическихъ дѣлахъ, былъ удаленъ изъ Россіи, а студенты,

*) Ibidem.

устроившіе ему сочувственную демонстрацію—заключены въ карцеръ. Вообще же конецъ царствованія Александра I и начало Николая I не были особенно неблагопріятны для Дерптскаго университета. Попржнему оставалась автономная свобода и каѳедры замѣщались достойными людьми. Неблагопріятныя условія для университета наступили съ того времени, когда мѣсто попечителя занялъ съ 1835 г. Крафстремъ, человѣкъ безъ образованія, «фронтоникъ до мозга костей», по отзыву Н. И. Пирогова, бывшаго въ то время профессоромъ Дерптскаго университета. Относительно науки у Крафстрема было опредѣленное мнѣніе: она можетъ быть «трехъ сортовъ: полезная до пзвѣстной степени, вредная—если не унять, то, пожалуй, и очень вредная,—и годная и даже необходимая для препровожденія времени и для забавы людей со средствами». Уходя въ отставку, гр. Уваровъ благодарилъ Крафстрема за «просвѣщенное содѣйствіе въ общихъ усиліяхъ на пользу государственной службы и образованія». Крафстремъ пробылъ въ роли «просвѣщеннаго» попечителя до 1854 г. Это были тяжелыя времена, автономія университета была сильно ограничена. «Правила для учащихся» 34 года ввели усиленный надзоръ и опеку, университетскій судъ былъ урѣзанъ и потерялъ свое прежнее значеніе. Заходилъ вопросъ о полной руссификаціи Дерптскаго университета и сравненіи его въ правахъ съ остальными русскими университетами. Были сдѣланы различныя попытки, въ общемъ не достигнія цѣли, такъ какъ и самъ министръ въ докладѣ императору признавалъ, что при введеніи русскаго языка въ преподаваніи «обнаружилось бы немаловажное затрудненіе въ недостаточномъ знаніи сего языка студентами для слушанія на немъ всѣхъ, или по крайней мѣрѣ большей части университетскихъ курсовъ». Поэтому преимущественно было обращено вниманіе на среднія учебныя заведенія, гдѣ русскій языкъ постепенно долженъ былъ замѣнить нѣмецкій, а Дерптскому университету былъ поставленъ на-видъ параграфъ 7 и 8 доклада. Изъ нихъ параграфъ 7 гласилъ слѣдующее: «Университетъ оставить на этотъ разъ въ настоящемъ положеніи, со строгимъ подтвержденіемъ, чтобы никто не былъ удостоиваемъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лѣкаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка» *).

По параграфу 8 профессоры могли получать назначеніе отъ министра народнаго просвѣщенія помимо избранія совѣтомъ, причемъ опять подчеркивалось главное условіе преподаванія—знаніе русскаго языка. Эта «уваровская руссификація» встрѣтила, однако, на практикѣ непреодолимыя препятствія въ мѣстномъ населеніи и среди большинства профессоровъ. Старикъ Парротъ въ Петербургѣ протестовалъ, доказывая, что насильственное введеніе русскаго языка можетъ только задержать его естественное распространеніе. Въ партіи обрусителей присоединилась часть профессоровъ, призванныхъ изъ-за границы, и незначительное число мѣстныхъ жителей. Вопросъ кромѣ того живо дебатировался въ заграничной печати.

*) Ibid.

Все это повело къ тому, что попытки новаго теченія ограничивались только «бумажнымъ производствомъ» и на дѣлѣ не имѣли успѣха. Когда въ 1836 г. вышелъ указъ, чтобы черезъ пять лѣтъ никого не принимать въ Дерптскій университетъ безъ предварительнаго экзамена по русскому языку, то въ 1839 г. самъ Уваровъ просилъ отсрочить силу дѣйствія этого указа, а затѣмъ указъ былъ отложенъ въ сторону на долгое время.

Жизнь студенческой массы попрежнему шла бойко и весело,—дебоши и попойки чередовались съ усиленной работой и занятіями.

Для характеристики студентовъ того времени очень интересно донесеніе графа Уварова, посѣтившаго Дерптъ въ 1833 г. «Въ тамошней университетской молодежи замѣтны остатки врожденныхъ предразсудковъ въ смѣшеніи съ нѣкоторыми давнишними обычаями германскихъ университетовъ: наклонность къ поединкамъ и шумнымъ увеселеніямъ на открытомъ воздухѣ—все сіе туземно и, такъ сказать, наслѣдственно». Далѣе министръ продолжаетъ: «Но съ другой стороны, все сіе не сопровождается никакими предосудительными замыслами; по внимательномъ наблюденіи и по собранію достовѣрныхъ свидѣтельствъ, увѣрился я, что не только какое политическое заблужденіе не присоединяется къ прочимъ заблужденіямъ юношей, но еще, что дерптскіе студенты вовсе не занимаются современной политикой, такъ что едва ли читаютъ газеты; въ числѣ ихъ довольно шалуновъ, но политическихъ мечтателей не имѣется». Такимъ образомъ петербургское правительство относилось снисходительно и смотрѣло сквозь пальцы на «все сіе туземное» и «наслѣдственное», въ виду другихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Въ 1848 г. Уваровъ доноситъ, что духъ университетскаго юношества соотвѣтствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ ожиданіямъ правительства, что «изгладились всѣ слѣды прежней буйной жизни студентовъ, этотъ печальный и бессмысленный сколокъ съ германскихъ преданій», и что «дерптскій студентъ настоящаго поколѣнія носить съ удовольствіемъ форменную одежду, прилежно учится, живетъ скромно, послушенъ начальству и учтиво обходится съ жителями. Приблизительно такъ же резюмируетъ свои впечатлѣнія и А. С. Норовъ, въ 1855 г. бывший въ Дерптскомъ университетѣ: «Наша молодежь въ политической благонадежности не уступитъ ни одному университету и по солидности своихъ въ семь отношеніи понятій не увлечется никакими хитрыми мудрствованіями, какъ это на дѣлѣ доказано». И далѣе продолжаетъ о студентахъ: «Они много привыкли къ закону и въ теченіе времени еще болѣе привыкнуть, шалости понемногу прекратятся, а Богъ дастъ и многое наружное получить со временемъ лучший видъ, за что, впрочемъ, поручиться не могу». Правительство ревностно заботилось о томъ, чтобы никакія политическія вліянія Запада не проникали въ Дерптскій университетъ. Отголоски германскаго Burschenschaft быстро загасили подъ дѣйствіемъ административныхъ распоряженій, и въ 1848 г. Уваровъ доносилъ про Дерптскій университетъ: «Иностранцы, находящіеся при университетѣ преисполнены благодарности къ правительству и всѣ благословляютъ жребій

свой, находясь вдали отъ тревожныхъ и печальныхъ явленій Германіи, я увѣренъ, что они всѣми силами будутъ стараться сохранить хорошее мнѣніе о себѣ начальства, впрочемъ, всѣ мѣры наблюденія приняты и по этой части» *). Такова была строгая правительственная опека того времени.

Однако, студенты также умѣли и заниматься, какъ умѣли весело жить, объ этомъ мы имѣемъ и массу отзывовъ въ воспоминаніяхъ, и цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ. За эти годы изъ Дерптскаго университета вышелъ цѣлый рядъ ученыхъ, получившихъ солидную извѣстность не только въ Россіи, но и за границей, и составъ профессоровъ пользовался заслуженнымъ почетомъ и славой. Въ это время дѣйствовали въ университетѣ такіе ученые профессора, какъ Бартельсъ, фонъ-Энгельгардъ, фонъ-Эттингенъ, О. Гарнакъ, Курцъ, Эверсъ, Бульмерингъ, Энгельманъ, фонъ Бунге, Струве, Мадлеръ, Пироговъ, Биддеръ, Карлъ Шмидтъ, Моргенштернъ, Якоби, Драгендорфъ, Преллеръ, Фридрихъ Шмидтъ, Прейсъ и др. Нѣкоторые изъ нихъ были воспитанниками того же Дерптскаго университета, какъ, на примѣръ, Н. И. Пироговъ. Такимъ образомъ, эти наглядные факты, какъ появленіе цѣлаго ряда достойныхъ профессоровъ и не менѣе достойныхъ учениковъ, сами по себѣ служатъ слишкомъ достаточнымъ доказательствомъ плодотворной дѣятельности и жизнеспособности Дерптскаго университета того времени. Это было одно изъ лучшихъ временъ научной дѣятельности университета. Профессора образовали научные кружки по факультетамъ. Для изученія мѣстнаго края было устроено «Дерптское общество естествоиспытателей» и «Ученое эстонское общество въ Дерптѣ»; второе общество состояло при университетѣ. Оба эти общества быстро достигли большой популярности путемъ неустанной дѣятельности и научной разработкой археологій, исторіи, этнографіи, быта, литературы и нарѣчій жителей мѣстнаго края.

Среди студентовъ также устраивались кружки, корпораціи, фереины. Изъ числа фереиновъ надо отмѣтить *Musikalische Gesellschaft* и *Theologischer Abend*. Корпораціи въ 30 и 40-хъ годахъ организуются уже въ деталяхъ. Онѣ основываются на земляческихъ принципахъ (*Ruthenia* — русская, позднѣе *Lettonia* — латышская). Поляки основываютъ въ 1828 году корпорацію *Polonia*. Не принадлежавшіе къ корпораціямъ получили названіе «дикие» (*Wilde*). Всѣ корпораціи объединялись въ «собраніи уполномоченныхъ», въ которое входили по три представителя отъ каждой корпораціи. Долгое время корпораціи не имѣли officialнаго утвержденія, правительство знало о ихъ существованіи, но не считало ихъ вредными. Только въ 1855 году уже при императорѣ Александрѣ II корпораціи были утверждены, причемъ былъ данъ «казенный уставъ» (*Kronscocomment*), составленный на основаніи проекта, разработаннаго заранѣе соединеннымъ обществомъ представителей отъ всѣхъ существующихъ корпорацій. Среди па-

*) Ibid.

параграфовъ этого устава, выработаннаго на основаніи уже почти полувѣковой жизни корпорацій и имѣющаго характеръ кодификаціи существующихъ корпоративныхъ обычаевъ, нѣкоторые параграфы очень интересны и въ высшей степени характерны для корпорацій. Такъ, цѣль корпоративныхъ соединеній, оставшаяся безъ измѣненія и до настоящаго времени, по прошествіи 50 лѣтъ со времени officialнаго устава очень полно характеризуется такъ: «пріготовленіе входящихъ въ составъ ихъ (корпорацій) лицъ къ будущей полезной дѣятельности въ отечествѣ, сохраненіе между студентами хорошаго тона, споспѣшествованіе нравственному и сообразному съ честью поведенію и учрежденіе правилъ хорошаго общежитія во время пребыванія въ университетѣ. Корпораціи отнюдь не должны преслѣдовать никакихъ политическихъ цѣлей» *). Отсюда вытекаетъ—лояльность корпорацій и корпорантовъ, вѣжливость и хорошій тонъ, дуэли или судъ чести, дружескія отношенія (всѣ бурши говорятъ другъ другу ты — duzen) и «филистры» (не въ русскомъ значеніи этого слова), политическое безразличіе; если мы къ этому прибавимъ любовь проводить свободное время «gemüthlich» въ компаніи за столомъ, въ собраніи корпораціи, то получимъ всѣ характерные признаки современнаго корпоранта.

Мы уже упоминали, что по три представителя отъ каждой корпораціи образуютъ собраніе уполномоченныхъ (Chargirten Convent); всѣ общіе вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ, о празднествахъ, о новыхъ корпораціяхъ поступаютъ въ этотъ Chargirten Convent, который въ свою очередь передаетъ ихъ на разрѣшеніе черезъ представителей, составляющихъ convent въ корпораціи, затѣмъ выработанный въ корпораціяхъ отвѣтъ или рѣшеніе объявляется чрезъ Chargirten Convent. Такъ учреждаетъ уставъ, также дѣлается и теперь. Рѣшеніе Chargirten Convent окончательно. Вопросъ о дуэли является сложнымъ вопросомъ за всю столѣтнюю жизнь университета. Дуэли существовали все время съ самаго начала до настоящаго времени. Ихъ установилъ чуть не самъ Парротъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ ихъ ревностнымъ защитникомъ, да и самъ считался лучшимъ «фехтеромъ», постоянно сражался съ разными знаменитостями по этой части. За дуэли стоялъ и Н. И. Пироговъ, видя въ нихъ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ. Съ другой стороны, мы видѣли, что министръ Уваровъ называетъ ихъ то вообще «туземнымъ и наслѣдственнымъ», то «печальнымъ и бессмысленнымъ сколкомъ съ германскихъ преданій». Университетъ былъ за дуэли, попечитель и министръ—противъ нихъ. Смертельные случаи на поединкахъ бывали сравнительно рѣдко. Несмотря на различные указы, постановленія, внушенія, «поставить на видъ» и пр., дуэли существовали, какъ существуютъ и теперь, хотя въ меньшей степени. Увлеченіе дуэлями стало замѣтно понижаться, когда въ средѣ самихъ студентовъ раздались голоса противъ этого «туземнаго и наслѣдственнаго» обычая — смывать обиду царапиной на тѣлѣ своего противника.

*) Ibid.

Особенно много противниковъ дуэли, какъ и слѣдовало ожидать, нашлось въ средѣ общества Theologischer Abend; они прибѣгли къ пропагандѣ, произносили горячія рѣчи не только въ корпораціяхъ, но и на улицахъ, на площадяхъ, доказывали негуманность, грѣховность дуэли, несовмѣстимость ея съ честной и нравственной жизнью. Этихъ анти-дуэлянтовъ въ 1841 г. поддержалъ профессоръ фізіологіи Фильманъ, произнесъ въ университетѣ рѣчь, въ которой всячески порицалъ обычай дуэли. Наконецъ, былъ найденъ выходъ изъ этого двойственнаго положенія. Одинъ «дикий» предложилъ учредить «судъ чести», который замѣнилъ бы собою дуэль. Послѣ долгихъ обсужденій и колебаній въ корпораціяхъ судъ чести былъ, наконецъ, принятъ въ 1847 году, но сталъ считаться обязательнымъ не для всѣхъ студентовъ, а только для принципиальныхъ противниковъ дуэли. Съ тѣхъ поръ число анти-дуэлянтовъ умножается въ корпораціяхъ, особенно въ тѣхъ, которыя возникли позднѣе, какъ, напримѣръ, «Neobaltia». По «казенному уставу» судъ чести (Ehrengericht) состоитъ, также какъ и Chargirten Convent, изъ собранія, составляющагося изъ представителей отъ каждой корпораціи числомъ по три человѣка. Два соперника выбираютъ каждый по судѣ, третьяго выбираютъ уже эти двое представителей тяжущихся сторонъ. Удовлетвореніемъ служатъ различныя степени извиненія. Наказаніями — предостереженіе, выговоръ, порицаніе (Verruf), временное прекращеніе всякихъ сношеній съ виновнымъ студентомъ (Ruckung). Кромѣ того, въ 1864 году былъ утвержденъ особый студенческій судъ (Burschenggericht), который разбираетъ дѣла, нарушающія доброе имя не только корпоранта, но и вообще студента-дикаго. Судъ общій для всѣхъ студентовъ, также какъ и судъ чести, составляется изъ представителей. Корпораціи имѣютъ особые цвѣта (покрышка на шапкахъ—декеляхъ и лента черезъ плечо), но въ послѣднее время ношеніе этихъ цвѣтовъ на улицѣ запрещено попечителемъ. Лежащій въ основѣ «казенный уставъ» въ деталяхъ варьируется по своему въ каждой корпораціи, но общекорпоративныя учрежденія остаются попрежнему. Въ настоящее время въ Дерптѣ существуютъ шесть корпорацій и нѣсколько фрейновъ, изъ нихъ нѣкоторые почти на правахъ корпорацій. Самая древняя корпорація—Sigonia—изъ жителей Курляндіи съ 8 сентября 1808 г., затѣмъ идутъ съ 7 сентября 1821 г. Estonia изъ уроженцевъ Эстляндіи, только нѣмцевъ. Livonia съ 20 сентября 1822 г. изъ уроженцевъ Лифляндіи, также нѣмцевъ, съ 21 января 1823 г. Fraternitas Rigensis, изъ уроженцевъ Риги. Въ 1828 году возникла корпорація Polonia, состоящая изъ поляковъ; впослѣдствіи эта корпорація преобразовалась въ фрейнъ на особыхъ положеніяхъ. Пятая корпорація чисто-латышская—Lettonia—національная. Въ 1879 году возникла корпорація Neobaltia съ девизомъ—*elabore otium*; въ нее входятъ всѣ національности безъ различія. Корпорація Необальтія явилась какъ бы нѣкоторымъ протестомъ противъ обычаевъ, сложившихся въ другихъ корпораціяхъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь поставлены университетскія занятія, а не препровожденіе времени «*gemüthlich*». Тогда какъ въ другихъ корпораціяхъ фуксъ не имѣетъ

права объяснить свое непосѣщеніе корпораціи тѣмъ, что онъ былъ на лекціяхъ, у Необальтовъ это считается достаточнымъ основаніемъ. Изъ этой корпораціи уже вышло нѣсколько профессоровъ, нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Зебергъ и профессоръ мѣстнаго университета Тамманъ, профессоръ Берлинской Военной Академіи Шалфеевъ, пользуются заслуженной извѣстностью. Русская корпорація, возникающая по инициативѣ поэта Н. М. Языкова, тоже бывшаго дерптскаго студента, въ 1829 г. подъ названіемъ Ruthenia, закрылась въ 1857 г. и съ тѣхъ поръ не существуетъ. Послѣдніе годы ея жизни описаны въ романѣ Боборыкина «Въ путь дорогу». Также не долго просуществовала корпорація Fraternitas Academia Dorpatensis, корпорація Arminia, выдѣлившаяся изъ общества Theologischer Abend, чисто-дворянская корпорація Baltica, выдѣлившаяся изъ Куроніи 1850 года, и другія. Кромѣ корпорацій, существуютъ фереины, иногда происшедшіе изъ непризнанныхъ Chargirtensconvent'омъ корпорацій, иногда разросшіеся изъ отдѣльныхъ кружковъ. Очень большой и богатый фереинъ Williensis, состоящій исключительно изъ эстовъ; онъ имѣетъ свое зданіе затѣйливой постройки для собраний и вечеровъ. Затѣмъ также многочисленный еврейскій фереинъ подъ названіемъ Litterarisch-Musicalischer Verein. Общество Theologischer Abend преобразовалось въ Theologischer Verein и устраиваетъ каждую недѣлю очередныя засѣданія, на которыхъ обсуждаются научныя специально-богословскіе вопросы.

Каждая корпорація имѣетъ свое помѣщеніе, гдѣ собираются корпоранты, оно называется Conventsquartier. Почти всѣ корпораціи для Conventsquartier имѣютъ свои дома, всегда хорошей постройки. Такъ, еще недавно въ 1902 году корпорація Необальтія выстроила свой домъ, одно изъ лучшихъ и красивыхъ зданій въ Дерптѣ. Студентъ, вступившій въ корпорацію съ перваго курса, не имѣетъ права считаться полноправнымъ корпорантомъ, онъ носитъ особое офиціально-шутливое названіе «фукса» (Fuchs) и долженъ относиться почтительно къ каждому корпоранту, исполнить его приказаніе и т. д. На него возлагаются многочисленные обязанности по управленію конвенцъ-квартирой. Но онъ имѣетъ право дуэли и можетъ всякому корпоранту сдѣлать вызовъ, произнеся—*du bist gefordert!* Черезъ нѣкоторое время, обыкновенно не менѣе чѣмъ черезъ семестръ, фуксъ получаетъ цвѣта, дѣлается полноправнымъ корпорантомъ и въ свою очередь дразнить и смѣется надъ другими фуксами. Студентъ, вступающій въ корпорацію со старшихъ курсовъ, не бываетъ фуксомъ и можетъ также получить цвѣта и сдѣлаться корпорантомъ. Особое положеніе занимаютъ корпоранты, окончившіе курсъ въ университетѣ. Они получаютъ на всю жизнь названіе «филистра», пользуются почетомъ и уваженіемъ со стороны корпорантовъ и состоятъ какъ бы пожизненными членами своей корпораціи. Такимъ образомъ связь корпорантовъ между собой не порывается и по окончаніи курса, что имѣетъ большое значеніе. Филистры въ большинствѣ случаевъ оказываютъ матеріальную помощь своей корпораціи, иногда жертвуютъ

крупныя суммы на постройку зданія и т. п. Филистръ обязанъ помочь всякому корпоранту, обращающемуся къ нему съ просьбой и т. п.

Безусловно, корпорации имѣютъ нѣкоторыя свои хорошія стороны. Часто раздается упрекъ, что корпорации мѣшаютъ правильно заниматься, особенно на первомъ курсѣ, когда студентъ въ роли фукса занять исполненіемъ многочисленныхъ обязанностей въ конвенцъ-квартирѣ. Однако въ Дерптскомъ университетѣ мы видимъ не мало случаевъ, когда студентъ, будучи фуксомъ, писалъ сочиненіе и получалъ медаль, изъ чего слѣдуетъ, что при нѣкоторой настойчивости всегда можно найти время для занятій. Нѣкоторыми отрицательными чертами корпораций являются ея вліяніе на личность человѣка, сглаживающее индивидуальныя особенности, партикуляризмъ—пріурочиваніе студента только къ тѣсному кружку земляковъ и небольшому кусочку Остзейскаго края и вообще развитіе буржуазныхъ наклонностей—недостатокъ, общій для всѣхъ корпораций. Таковы корпорации въ Дерптѣ въ настоящее время. Надо замѣтить, что они все болѣе и болѣе падаютъ съ уменьшеніемъ студентовъ нѣмцевъ въ университетѣ.

Въ 1864 году, наканунѣ новаго устава, даннаго другимъ университетамъ въ 1863 году, а Дерптскому въ 1865 году, всѣхъ студентовъ въ университетѣ было 560 человѣкъ, изъ нихъ 81 на богословскомъ факультетѣ, 167—на юридическомъ, 162—на медицинскомъ, 39—фармацевтовъ, 63—на историко-филологическомъ и 68 на естественномъ. Раздѣленіе философскаго факультета на историко-филологическій и естественный произошло въ 1850 году, а принимать фармацевтовъ на медицинскій факультетъ начали съ 1859 года. Такія же приблизительно цифры общаго числа студентовъ съ небольшою наклонностью къ увеличенію мы видимъ, начиная съ 1828 года (530, въ 1838 — 575, 1848 — 634, 1858 — 625). Наибольшее число слушателей до 1864 года было въ 1853 году—712. Воспитывалось юношество преимущественно мѣстнаго края. Такъ, въ упомянутомъ 1864 г. изъ 560 человѣкъ только 118 не принадлежали къ уроженцамъ прибалтійскихъ губерній, большинство было изъ Лифляндской губерніи—273 человѣка. Такимъ образомъ за это время университетъ успѣлъ сложиться вполне, подобрать свой контингентъ слушателей, организовать въ деталяхъ. Матеріально по тому времени онъ былъ обставленъ достаточно хорошо.

Исключительное устройство и привилегіи выгодно отличали Дерптскій университетъ отъ прочихъ университетовъ Россіи и заставляли профессоровъ и студентовъ беречь эти особенности, давшія возможность достигнуть твердаго положенія и прочной научной извѣстности въ Россіи и за границей. Университетъ пользовался славой своихъ практическихъ занятій настолько, что многіе, окончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ, пріѣзжали въ Дерптъ, чтобы завершить здѣсь свое образованіе и научиться послѣднимъ пріемамъ науки, услышать послѣднее слово, быстро переходящее изъ ученаго міра германскихъ заграничныхъ университетовъ въ Дерптскій. Новый уставъ долженъ былъ нарушить прежнюю жизнь, поэтому онъ былъ введенъ и дѣйствовалъ только номинально. Профессоры рѣшили отказаться

отъ новыхъ штатовъ, оставивъ за собой прежній гонораръ по кафедрамъ и другія особенности и преимущества. Такъ было до начала 80-хъ годовъ. Университетъ и по составу профессоровъ, и по преобладающему количеству слушателей, по особенностямъ внутренняго управленія оставался почти нѣмецкимъ университетомъ. Это было славное время въ научномъ отношеніи, а количество слушателей начало быстро увеличиваться и въ 1879 году переходить за тысячу, а въ 1884 году за 1,500. Такъ въ 1885 году въ университетѣ считается слушателей 1,704 человѣка, изъ нихъ на богословскомъ факультетѣ 239, на юридическомъ 287, медиковъ 716, фармацевтовъ 124, на историко-филологическомъ факультетѣ 211 и на естественномъ 127. Количество студентовъ изъ мѣстнаго края начинается сравнительно съ общимъ числомъ падать, хотя все еще очень велико—почти двѣ трети всего числа. Такъ изъ 1,704 только 614 не принадлежатъ къ уроженцамъ Остзейскихъ губерній. Большинство изъ Лифляндской губерніи—574. Православныхъ очень немного—71, лютеранъ—1,141. Остальное число падаетъ на религіи іудейскую, католическую и реформатскую. Руссификація началась позднѣе, и тогда всѣ эти отношенія перепутались, особенно же съ 1894 года, когда доступъ въ университетъ получили воспитанники семинарій.

Понемногу, путемъ отдѣльныхъ циркуляровъ, положеніе университета начало мѣняться, такъ что къ новому уставу 84 года, который былъ данъ Дерптскому университету въ 89 году, отъ прежняго устава и привилегій почти ничего не осталось кромѣ штатовъ,—штаты остались прежніе,—сокращенные. Съ 1885 года начинается преобразовываться одинъ факультетъ—юридическій. Уже въ 1884 году министерство оказываетъ нѣкоторое давленіе на составъ профессоровъ и иныхъ не утверждаетъ въ должности, несмотря на выборъ со стороны совѣта и факультета,—такъ было съ Бергбомомъ. Преподаваніе съ 1889 года вводится на русскомъ языкѣ, преобразовываются и вводятся новыя кафедры, а съ 93 года появляются и государственные экзамены. Однако юридическій факультетъ не получаетъ тѣхъ правъ, которыми пользуются тѣ же факультеты въ другихъ русскихъ университетахъ, такъ, напримѣръ, онъ можетъ присуждать ученыя степени лишь по четыремъ кафедрамъ—уголовному праву, государственному, международному и римскому. Новый уставъ уничтожилъ прежнія привилегіи—университетскій судъ, выборнаго ректора и декана, а скоро въ 93 году и самъ университетъ переименовывается изъ Дерптскаго въ Юрьевскій. Къ этому времени уходятъ изъ университета въ Германію многіе профессора, а вмѣстѣ съ ними и студенты—болѣе состоятельные за границу, другая часть въ Петербургъ. Число студентовъ начинается быстро падать и доходить до 1,225 (въ 1896 году), но съ 94 года получаютъ доступъ воспитанники семинарій. Въ первые годы ихъ поступаетъ немного; такъ, въ 95 году поступило всего 5 человѣкъ, но затѣмъ число это начинается быстро расти и въ 1901 году уже насчитывается воспитанниковъ семинарій 864 человѣка и университетъ достигаетъ своего обычнаго числа слушателей—около 1,800.

Вслѣдъ за преобразованіемъ юридическаго факультета послѣдовало преобразование и другихъ факультетовъ,—такъ что къ настоящему времени можно считать законченной эту часть реформы. Преподаваніе на всѣхъ факультетахъ (за исключеніемъ лютеранскаго—богословскаго) ведется на русскомъ языкѣ, только два-три профессора читаютъ по-нѣмецки, но остается сдѣлать самое главное—уравнять университетъ въ правахъ съ другими университетами Россіи. Время усиленной руссификаціи, этотъ острый періодъ, прошло, теперь необходимо озаботиться о тѣхъ научныхъ средствахъ, которыя дали бы возможность Юрьевскому университету безъ докучливыхъ, подчасъ тяжелыхъ затрудненій, такъ мѣшающихъ развитію науки, съ доблестью продолжать дѣятельность Дерптскаго университета. Дѣло въ томъ, что въ 60 годахъ министерство оставило за привилегіи прежніе пониженные штаты, теперь же привилегій не существуетъ, число слушателей возросло, наука разрастается, а штаты остались прежніе. Общерапространенное утвержденіе, что научное значеніе теперешняго Юрьевского университета стоитъ значительно ниже сравнительно съ тѣмъ же значеніемъ бывшаго Дерптскаго университета, потому что лучшіе профессора-нѣмцы ушли за границу—кажется намъ не совсѣмъ справедливымъ. Не въ профессорахъ тутъ главный центръ тяжести. Профессора по своему составу въ настоящее время также пользуются заслуженной извѣстностью за свои научныя работы, на это указываетъ то, съ какой охотой другіе русскіе университеты, не только провинціальныя, но и столичныя, берутъ къ себѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ изъ Юрьевского университета, поступившихъ туда послѣ 1884 года, также и то, что профессора Юрьевского университета постоянно выступаютъ лекторами на публичныхъ лекціяхъ не только въ прибалтійскомъ краѣ, но и въ обѣихъ столицахъ и лекціи эти пользуются большою популярностью среди публики. Многіе профессора являются дѣятельными изслѣдователями, ихъ труды печатаются учеными обществами, спеціальными и общими журналами, различными крупными просвѣтительными и издательскими фирмами.

«Темныя стороны» университетской жизни главнымъ образомъ заключаются въ томъ положеніи пасынка, который занимаетъ Юрьевскій университетъ сравнительно съ остальными русскими университетами—въ его бѣдственномъ матеріальномъ положеніи. Тогда какъ Московскій университетъ тратитъ болѣе милліона въ годъ, Юрьевскій—около 260 тысячъ. Древнее зданіе не вмѣщаетъ студентовъ, аудиторіи всегда биткомъ набиты и подъ конецъ часа въ нихъ дѣлается такъ душно, что съ непривычки можетъ закружиться голова и сдѣлаться обморокъ, а въ коридорѣ температура въ большіе морозы доходитъ до 3—4 градусовъ. Нерѣдко можно видѣть, какъ профессоръ идетъ въ аудиторію по коридору въ шубѣ и шапкѣ, передъ дверями снимаетъ то и другое, бросаетъ на руки сторожа и скорѣе прячется въ душную низкую комнату, гдѣ къ тому времени студенты уже успѣли «надышать». Во время празднества столѣтняго юбилея было опасеніе, какъ бы не рухнули хоры, и такого опасенія можно

ждать чуть не въ каждомъ университетскомъ зданіи. Жалко взглянуть на обсерваторію, бывшую «первой» когда-то по своему устройству. Прошли года и теперь, при современномъ развитіи и усовершенствованіи астрономическихъ приборовъ, она превратилась въ археологическую игрушку. Со времени Струве такъ все и осталось—прежніе инструменты, старинный рефракторъ, подгнили зданія; только требованія науки стали новыя, а какъ ихъ разрѣшить, когда трата въ нѣсколько рублей сейчасъ же возбуждаетъ ужасный вопросъ о перерасходѣ. Клиники, также когда-то славившіяся своимъ устройствомъ, теперь не могутъ удовлетворить и самымъ невзыскательнымъ требованіямъ, а въ нихъ каждый годъ лѣчится не одинъ десятокъ тысячъ мѣстной бѣдноты. Геологическій кабинетъ загнанъ куда-то въ темный полусырой подвалъ, гдѣ-то подъ зданіемъ университета, «ближе къ центру земли». О такъ называемыхъ «новыхъ книгахъ» на историко-филологическомъ факультетѣ студентамъ можно имѣть только приблизительное понятіе, такъ какъ расходы на это ограничиваются нѣсколькими рублями. Нечего говорить, что стипендій нехватаетъ, и студентовъ исключаютъ за невзносъ платы. Многія кафедры университетъ долженъ оплачивать на свои скудныя спеціальныя средства, и отсюда получается то, что университетъ при всемъ желаніи часто не можетъ посылать за границу молодыхъ людей для спеціализаціи въ избранныхъ ими отрасляхъ знанія,—денегъ нѣтъ. Всѣ факультеты, клиники, всѣ живутъ въ долгъ, хорошо еще, что мѣстныя фирмы вѣрятъ и отпускаютъ, однако нерѣдко приходится отписываться или обнадеживать какого-нибудь не въ мѣру терпѣливаго мѣстнаго кредитора. Странное положеніе науки! Если мы прибавимъ рядъ ограниченій въ правахъ, подобныхъ ограниченіямъ давать ученые степени только по нѣкоторымъ спеціальностямъ, то мы получимъ довольно вѣрную картину той обстановки, среди которой приходится работать молодому ученому въ Юрьевскомъ университетѣ. И все-таки работаютъ! Спасаетъ та вѣра въ науку и безкорыстная преданность научнымъ интересамъ, которая заставляетъ забывать объ этихъ и о другихъ возможныхъ невзгодахъ!

Очевидно также, что та политическая роль, которая была возложена на университетъ, не могла особенно споспѣшествовать наукѣ, но въ настоящее время эта «игра» уже кончилась, и остались одни только интересы свободной науки, чуждой національности и вражды.

12 декабря прошлаго 1902 года Дерптско-Юрьевскій университетъ праздновалъ свою столѣтнюю годовщину торжественнымъ засѣданіемъ. Празднество продлилось и на 13 декабря. Къ этому времени съѣхались депутаціи не только со всѣхъ концовъ Россіи, но и изъ далекихъ уголковъ западной Европы. Праздникъ невольно потерялъ мѣстное значеніе и сдѣлался всеобщимъ праздникомъ космополитической науки. Офиціальная власть была представлена попечителемъ рижскаго учебнаго округа. Публику пускали по билетамъ въ залъ, студентовъ на хоры. Въ общемъ заняты были всѣ мѣста. Ограниченіе входа студентовъ, изъ которыхъ большинство уѣхали уже

въ отпускъ, такъ какъ занятія прекратились въ ноябрѣ, объяснялось недостаткомъ мѣста и отчасти боязнью какъ бы не рухнули хоры. Старое зданіе Александра I само переживало 100-лѣтній юбилей и хотя по этому поводу былъ сдѣланъ соотвѣтствующій ремонтъ, но 100-лѣтній возрастъ не надежно гарантировалъ прочность. На актѣ послѣ чтенія Высочайшаго рескрипта университету и назначенныхъ наградъ профессорамъ и администраціи по поводу юбилея, приступили къ приему депутацій, чтенію адресовъ и привѣтствій. Здѣсь были депутаціи отъ академіи наукъ, отъ всѣхъ русскихъ университетовъ, въ томъ числѣ и отъ молодого Томскаго университета, отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ петербургскаго женскаго медицинскаго института, отъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, новыхъ политехникумовъ, петербургской военно-медицинской академіи, отъ московскаго сельско-хозяйственнаго института, московскаго техническаго училища, петербургской публичной бібліотеки, отъ академіи генеральнаго штаба, военно-юридической, петербургскаго археологическаго института, историко-филологическаго института князя Безбородко, археологическаго общества, общества исторіи и древностей русскіихъ, отъ кievской духовной академіи, петербургской, отъ николаевской главной астрономической и отъ физической обсерваторіи, и отъ другихъ ученыхъ, правительственныхъ учреждений и высшихъ учебныхъ заведеній. Были прочитаны адреса и привѣтствія отъ ряда ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ, многихъ столичныхъ и провинціальныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, общественныхъ управленій. Наиболѣе подробную оцѣнку дѣятельности Дерптско-Юрьевскаго университета сдѣлалъ Казанскій университетъ; адресъ его заключался въ слѣдующемъ: «Императорскій Казанскій университетъ считаетъ для себя пріятнымъ долгомъ выразить передъ лицомъ Императорскаго Юрьевскаго университета глубокое сочувствіе его исторической судьбѣ и его памятнымъ заслугамъ въ исторіи науки и родного просвѣщенія. Въ торжественный день столѣтняго юбилея университета, когда поминается его прошлое, когда говорится вѣчная память его дѣятелямъ, живѣе и сознательнѣе чувствуется эта исторія, яснѣе стоитъ передъ глазами всѣхъ его заслуга. Въ исторіи образованія цѣлой страны сто лѣтъ—небольшой періодъ, но исторія университета-юбиляра за эти сто лѣтъ доказываетъ, что онъ честно выполнилъ указанное ему призваніе, несмотря на всю трудность исполненія. Основанный по волѣ державнаго монарха въ краѣ, который хотя и былъ русскимъ, но представлялъ собою какъ бы рубежъ между Россіей и Западомъ, а по составу народностей имѣлъ въ себѣ разнообразныя племена не только финскія, нѣмецкія и славянскія, но и литовскія,—въ городѣ Дерптѣ, носившемъ на себѣ отпечатокъ совершенно нѣмецкаго университетскаго пункта, Дерптскій университетъ, несмотря на свое существованіе среди историческихъ воспоминаній чужой почвы, среди разнообразныхъ народностей, каждой съ сложившейся духовной жизнью, посреди исторической борьбы и историческихъ антипатій, очевидно показалъ общность и космополитичность науки, су-

мѣлъ счастливо воспользоваться своимъ положеніемъ для культивированія истинной науки и усердно служилъ службу, указанную ему Высочайшей волей: быть разсадникомъ знаній въ краѣ и исполнять высокое служеніе дѣлу науки и просвѣщенія на сѣверозападѣ Россіи. Въ теченіе прошедшихъ ста лѣтъ не разъ мѣнялись направленія и системы, измѣнилось и самое названіе университета, онъ недавно переименованъ въ Юрьевскій; эти смѣны, конечно, мѣшали спокойному развитію науки и преподаванія, но прошлая исторія университета свидѣтельствуешь, что добромъ и благодарностью помянутся заслуги его дѣятельности. Дерптскій университетъ, не взирая на внѣшнія препятствія, дѣлалъ свое дѣло, съ честью выполнялъ тяжелую, но завидную задачу, и былъ дѣйствительно гнѣздомъ науки. За истекшее столѣтіе онъ успѣлъ дать не мало выдающихся дѣятелей и достойныхъ уваженія тружениковъ на разныхъ поприщахъ, въ разнообразныхъ сферахъ государственной и общественной жизни въ Россіи и за границей. Глубокіе ученые труды его питомцевъ и профессоровъ по всѣмъ отраслямъ теоретической и практической университетской науки и въ особенности по естествознанію и изученію языковъ и культуры многочисленныхъ племенъ и народовъ западной окраины Россіи,—вѣрный показатель значенія Дерптскаго университета и того, что ихъ *alma mater* высоко держитъ знамя науки. Должная дань уваженія воздается всѣми юбиляру-университету и за его настойчивое обслѣдованіе своего края въ чисто-историческомъ отношеніи и за изысканія въ области археологій и этнографіи, чему спеціально посвящаетъ свой трудъ состоящее при университетѣ эстонское ученое общество. Съ неизмѣннымъ почтеніемъ произносятся всему міру извѣстныя имена тѣхъ великихъ ученыхъ, которые составляли и доселѣ составляютъ красу Дерптскаго университета, какъ его бывшіе профессора, впослѣдствіи знаменитые ученые, а также и имена тѣхъ, которые занимались въ свое время въ состоявшемъ при Дерптскомъ университетѣ профессорскомъ институтѣ. Сюда, кончая курсъ въ своихъ университетахъ, до отправленія съ ученой цѣлью за границу, прибывали молодые люди для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранныхъ ими спеціальностяхъ и подготовленія къ дѣятельности ученыхъ представителей науки и профессуры въ разныхъ университетахъ нашего обширнаго отечества. Историки русскаго просвѣщенія помнятъ не одно славное имя вышедшихъ отсюда научныхъ дѣятелей: Пирогова, Григоровича, Овсянникова, Караваева, Видемана, Крюкова, Шимановскаго и друг. Признательно помнятъ о Дерптскомъ университетѣ и нашъ Казанскій университетъ. Онъ, начиная свою ученую и учебную дѣятельность, изъ Дерпта заимствовалъ на первыхъ порахъ многія свои силы, да и послѣ университетскія каѳедры часто занимались и теперь занимаются въ немъ дерптскими воспитанниками или тѣми лицами, которыя не мало поработали надъ созданіемъ для Дерпта его лучшихъ преданій, или трудились въ немъ до тѣхъ поръ, пока университетъ самъ не воспиталъ для себя талантовъ и дѣятелей въ лицѣ своихъ собственныхъ питомцевъ. Не остался въ долгу и нашъ Казанскій

университетъ, онъ отдавалъ свои ученыя силы съ Востока на Западъ Россіи, въ Дерптѣ, гдѣ онѣ культивировали науку, являясь достойными представителями разныхъ научныхъ дисциплинъ и кафедръ. Достаточно вспомнить, что послѣ школы въ Дерптѣ къ намъ прибыли: Вуттигъ, Врангель, Томасъ, Эйхвальдъ, Эверсманъ, Скандовскій, Корнухъ - Троцкій, Клаусъ, Линдегрентъ, Горловъ, Григоровичъ, Осокинъ, Струве, Мейковъ, Микшевичъ, Овсянниковъ, Котельниковъ, Петровъ, Розенъ, Арнштейнъ и друг., и въ Дерптѣ со славою трудились, нѣкоторые же занимаютъ кафедры и теперь: Перевошиковъ, Бартельсъ, Нейманъ, Эрдманъ, Ивановъ, Бунге, Брауэль, Мейковъ, Бодуанъ-де-Куртэнэ и многіе другіе. Вотъ почему Казанскій университетъ съ особымъ родственнымъ сочувствіемъ поздравляетъ Императорскій Юрьевскій университетъ и его прямого предшественника—университетъ Дерптскій, искренно радуясь тѣмъ высокимъ заслугамъ для нашего отечества, просвѣщенія и науки вообще, какими юбиларъ ознаменовалъ себя въ теченіе истекшаго теперь столѣтія. Юбилей университета совпадаетъ съ тѣмъ многозначительнымъ моментомъ въ жизни Россіи, когда для всѣхъ русскихъ университетовъ должна создаться новая исторія. Для людей, любящихъ свою страну и ея духовное развитіе, искреннимъ и страстнымъ является желаніе, чтобы эта новая будущая организація университетовъ имѣла цѣлью только свободное развитіе строгой и честной науки въ странѣ и ея освобожденіе отъ всякихъ временныхъ и случайныхъ на нее вліяній. Подъ живымъ знаменемъ науки и общаго блага да растить и питаетъ Императорскій Юрьевскій университетъ и всѣ грядущія поколѣнія на славу и честь нашей великой русской земли!»

Этотъ адресъ встрѣтилъ у публики и студентовъ громкія выраженія сочувствія и одобренія. Привѣтствія по телеграфу были получены отъ министра народнаго просвѣщенія, финансовъ, путей сообщенія, юстиціи, иностранныхъ дѣлъ, земледѣлія, отъ морского министерства былъ прочитанъ адресъ. Кромѣ того, телеграфныя привѣтствія были получены отъ Ванновскаго, Звѣрева, Забѣлина, Ключевскаго, многихъ профессоровъ, почетныхъ членовъ университета, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей, печати мѣстнаго края, *St.-Petersburger Herald*. «Старый студентъ» П. Д. Боборыкинъ прислалъ свое «задушевное пожеланіе, чтобы будущее университета было такъ же славно, какъ и его прошлое» Максимъ Ковалевскій высказалъ пожеланіе «à la jenne école Russe de maintenir les grandes traditions du passé». Была прочитана только незначительная часть телеграммъ, такъ какъ со всѣхъ концовъ земного шара были получены привѣтствія отъ отдѣльныхъ лицъ, бывшихъ воспитанниковъ университета, группъ, кружковъ, то прозой, то стихами на различныхъ языкахъ. Достаточно сказать, что мѣстная почтово-телеграфная контора извела на пріемъ юбилейныхъ телеграммъ ленту до восьми верстъ длиною. Чтеніе многихъ привѣтствій сопровождалось особенно сильными оваціями со стороны студентовъ. Изъ-за границы явились депутаціи, были присланы адреса съ художественной отдѣлкой, телеграммы и привѣтствія отъ университетовъ въ

Софія, Парижъ, Лейпцигъ, Краковъ, Упсалъ, Бернъ, Лозаннъ, Женевъ, Глазго, Страсбургъ, Яссалахъ, Пизъ, Амстердамъ, Мюнхенъ, Тюбингенъ, Ростоки, Чикаго, Гейдельбергъ, Туринъ, Безансонъ, Фрейбергъ и другихъ, отъ римской академіи, пражской, College de France, бельгійской академіи, румынской, испанской, португальской, отъ венеціанскаго государственнаго архива, отъ національной бібліотеки въ Неаполѣ и много другихъ, а также изъ Константинополя и Австраліи. Привѣтствовали университетъ изъ-за границы многіе профессора, бывшіе прежде профессорами дерптскаго университета, какъ, напримѣръ, Гарнакъ, теперешній профессоръ и ректоръ берлинскаго университета, Отто Струве изъ Карльсруэ, Браунъ, Ритчль и многіе другіе. Всѣ эти чтенія прерывались апплодисментами, особенно сильными при появленіи Менделѣва, при чтеніи привѣтствій Ванновскаго, М. Ковалевскаго, Боборыкина, казанскаго университета, украинскаго русскаго науковаго общества имени Шевченко на малороссійскомъ языкѣ и др. Чтеніе привѣтствій заняло весь день 12 декабря и продолжалось еще 13. Затѣмъ были произнесены рѣчи на рускомъ языкѣ профессоромъ Пѣтуховымъ и на нѣмецкомъ профессоромъ Керстеномъ. Профессоръ Пѣтуховъ изложилъ вкратцѣ исторію университета за 100 лѣтъ, раздѣливъ ее на нѣсколько періодовъ главнѣйшими уставами, регулировавшими университетскую жизнь. Онъ закончилъ свою рѣчь, указавъ на бѣдственное матеріальное положеніе университета въ настоящее время, на отсутствіе многихъ правъ сравнительно съ другими русскими университетами, выразилъ надежду на то, что скоро исчезнутъ эти «тѣневые стороны».

«Мы имѣемъ право на это надѣяться не только въ виду культурныхъ задачъ, которыя преслѣдуются нашимъ университетомъ, но и въ виду его славнаго прошлаго,—продолжалъ профессоръ.—Послѣдніе годы жизни нашего университета ознаменовались нѣкоторыми событіями, которыя въ связи съ событіями въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вызвали цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся устройства студенческаго быта, взаимныхъ отношеній учащихся и учащихся и проч. Нашему университету было предложено высказаться по всѣмъ этимъ вопросамъ, и теперь мы съ нетерпѣніемъ ждемъ разрѣшенія ихъ со стороны высшей власти,—съ нетерпѣніемъ, потому что отъ того или иного ихъ разрѣшенія зависитъ все дальнѣйшее существованіе какъ другихъ, такъ и нашего университета... И мы позволяемъ себѣ надѣяться, что разрѣшеніе это послѣдуетъ именно въ лучшемъ смыслѣ, соответствующемъ ожиданіямъ всѣхъ друзей народнаго образованія. Такимъ образомъ, заканчивая свое вѣковое существованіе, университетъ нашъ, быть можетъ, находится теперь передъ зарей новой жизни высшихъ расадниковъ просвѣщенія; и будемъ надѣяться, что за этой зарей послѣдуетъ свѣтлый, ясный, теплый солнечный день, цѣлая вереница такихъ живительныхъ дней, и что прекратятся, наконецъ, эти томительныя блужданія нашего смутнаго, переходнаго времени»...

Затѣмъ профессоръ систематическаго богословія Керстенъ въ блестящей рѣчи, на нѣмецкомъ языкѣ, сдѣлалъ краткій историческій очеркъ богослов-

скаго факультета за сто лѣтъ. Въ жизни этого факультета, въ продолженіе вѣка доставлявшаго пасторовъ для лютеранскихъ церквей въ Россіи и отчасти за границей, воспитавшаго цѣлый рядъ знаменитыхъ богослововъ, какъ профессора Гарнакъ, Зебергъ въ Берлинѣ, Бонвичъ въ Эрлангенѣ, Ф. Лециусъ въ Кенигсбергѣ, Цапфель въ Страсбургѣ, и ученыхъ языковѣдовъ, — профессоръ Керстенъ насчитываетъ нѣсколько періодовъ, которые онъ отмѣчаетъ послѣдовательно смѣнявшимися теченіями научной богословской мысли. Представителями главныхъ доктринъ въ Дерптскомъ университетѣ за сто лѣтъ онъ считаетъ профессоровъ: Сарторіуса, Филиппи, Морицафонъ-Энгельгардта, Ө. Гарнака, А. фонъ-Эттингеня и Гершельмана.

По случаю столѣтняго юбилея университетомъ избраны были въ почетные члены: министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ Ермоловъ, сенаторъ Таганцевъ, академики Пыпинъ, Кондаковъ, Никитинъ, Овсянниковъ, Латышевъ, Ламанскій, Воронинъ, Бехтеревъ, Шмидтъ, петербургскіе профессора: Менделѣвъ, Сергѣевичъ, протоіерей Горчаковъ, Энгельманъ, Павловъ, Помяловскій; московскіе: Сѣменовъ, Герье, Голубинскій, Бугаевъ; профессора Иконниковъ, Догель, Лео Мейеръ, директоръ публичной бібліотеки Кобеко, вице-президентъ академіи наукъ графъ И. Толстой, затѣмъ И. Мечниковъ, Б. Чичеринъ, Максимъ Ковалевскій и графъ Левъ Пиколаевичъ Толстой. Профессора иностранныхъ университетовъ тюбингенскаго—Баумгартенъ, берлинскаго—Бергманъ, Листъ, Дербургъ, Вальдейръ, Вагнеръ, Гартвигъ, Энглеръ, парижскаго—Бруадель, фрейбургскаго—Вейсманъ и Циглеръ, гейдельбергскаго—Гегенбауръ, оксфордскаго—Горсей, вюрцбургскаго—Келликеръ, глазговскаго—лордъ Кельвинъ, страсбургскаго—Наунингъ, мадридскаго—Рамонъ-и-Кахаль, стокгольмскаго—Рециусъ, лейпцигскаго—Флексигъ, вѣнскаго—Ханнъ, почетными докторами богословскимъ факультетомъ избраны Биленштейнъ, Вигандъ, медицинскимъ—Литвиновъ, историко-филологическимъ—Кобеко и Пыпинъ, физико-математическимъ—Давыдовъ и Померанцевъ. Кромѣ того, почетными членами избраны патеръ Пирлингъ, членъ парижской академіи наукъ Л. де-Лиль, директоръ зоологической станціи въ Неаполѣ Дорнъ, президентъ академіи наукъ въ Вѣнѣ Зюссъ. Несмолгаемые аплодисменты раздалися послѣ имени «великаго писателя земли русской». Точно также публика и студенты особенно сочувственно привѣтствовали выборъ въ почетные члены Пыпина, Максима Ковалевскаго, присутствовавшаго на празднествѣ Менделѣва, затѣмъ Сѣменова, Герье, Мечникова, Чичерина и нѣкоторыхъ иностранныхъ профессоровъ.

Въ отвѣтной рѣчи на французскомъ языкѣ иностраннымъ делегаціямъ ректоръ А. Н. Филипповъ отмѣтилъ ту связь, которая существуетъ между учеными учрежденіями всѣхъ культурныхъ странъ, что и доказывается наглядно присутствіемъ многочисленныхъ представителей науки различныхъ государствъ въ стѣнахъ университета, чествующаго свой столѣтній юбилей. Въ рѣчи, обращенной ко всѣмъ присутствующимъ, ректоръ выразилъ отъ имени совѣта университета искреннюю и горячую благодарность всѣмъ

учрежденіямъ и лицамъ, почтившимъ своимъ присутствіемъ праздникъ университета, указавъ на то, что «учрежденія, какъ и люди, живутъ любовью и уваженіемъ окружающихъ, ими одушевляется ихъ дѣятельность, укрѣпляется ихъ чаяніе и надежды. «Намъ,—продолжалъ далѣе ректоръ,—современнымъ дѣятелямъ университетской корпораціи, почти на рубежѣ ко второму столѣтію его существованія вступившимъ въ его среду, выпала на долю счастливая судьба слышать привѣтствія, касавшіяся перѣдко всего славнаго прошлаго университета, вызвавшія на память великія научныя имена, воскресившія передъ нами великія научныя традиціи. Мы благодаримъ васъ покорно за эти свѣтлыя воспоминанія: они дороги намъ, какъ обитателямъ того города, въ которомъ *genius loci* издавна покровительствовалъ научному труду, они важны намъ, какъ живые показатели нашего долга передъ грядущимъ, неумолимо и настойчиво заставляющіе насъ въ тиши нашихъ кабинетовъ и лабораторій продолжать неустанно преемственную работу научной мысли предшествовавшихъ поколѣній и не прерывать, по мѣрѣ нашихъ силъ, связи прошлаго съ настоящимъ». Воздавъ такимъ образомъ должное по заслугамъ, А. Н. Филипповъ перешелъ затѣмъ къ значенію мѣстнаго университета для Россіи и, указавъ на тѣсную связь общечеловѣческихъ задачъ просвѣщенія съ задачами національными, закончилъ свою рѣчь слѣдующими горячими словами: «Сто лѣтъ тому назадъ, 12 декабря 1802 г., положено было основаніе одному изъ очаговъ высшаго просвѣщенія въ Россіи. Но ни въ чемъ такъ не нуждается Россія, какъ въ умноженіи этихъ очаговъ просвѣщенія, ничто такъ не необходимо великому русскому народу, какъ развитіе его просвѣщенія, развитіе неустанное, могучее, всѣ интересы и мысли себѣ подчиняющее, ни передъ какими жертвами не останавливающееся. Этотъ вопль народный о просвѣщеніи, который всюду несется по Руси, ясно слышится всѣми нами, близко ли, далеко ли мы стоимъ отъ задачъ народнаго образованія. Многочисленныя делегаціи, отовсюду здѣсь собравшіяся, многообразные знаки сочувствія, всѣми университету нынѣ выражаемые, не служатъ ли еще новымъ и сильнымъ свидѣтельствомъ нужды въ просвѣщеніи, уваженія къ нему? Не собрались ли въ этихъ стѣнахъ люди всѣхъ поколѣній и общественныхъ положеній, потому что они сознаютъ, что каждый праздникъ науки—есть праздникъ свѣтлаго будущаго ихъ отечества, праздникъ его порыва къ свѣту, къ умственному прогрессу?...»

Эти слова вызвали шумныя одобренія.

Торжество закончилось чтеніемъ годичнаго отчета о состояніи университета за истекшій годъ и подъ конецъ обѣдомъ на 270 человѣкъ, гдѣ присутствовали иностранные, русскіе депутаты и профессора университета. Бругомъ зданія все время толпилась публика. Депутаты, иллюминація придали городу необычный, праздничный видъ. По поводу юбилея университетъ предпринялъ нѣсколько изданій: «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета, за сто лѣтъ его существованія (1802—1902 гг.). Подъ редакціей

профессора Г. В. Левитскаго, т. I. Юрьевъ, 1902 г.), и затѣмъ «Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ, за сто лѣтъ его существованія (1802—1902 г.). Томъ I, первый и второй періоды (1802—1865 г.). Историческій очеркъ проф. Е. В. Пѣтухова, Юрьевъ, 1902 г. съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ и личныхъ списковъ». Здѣсь напечатаны многіе документы въ первый разъ. Эти изслѣдованія послужили также намъ однимъ изъ главныхъ матеріаловъ для настоящей статьи. Въ біографическомъ словарѣ помѣщены біографіи профессоровъ трехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго и естественнаго, съ перечнемъ трудовъ и большими вступительными статьями по исторіи каждаго факультета. На нѣмецкомъ языкѣ выходятъ теперь еще и вышло цѣлый рядъ всевозможныхъ изданій.

Отголоски празднествъ выразились появленіемъ различныхъ замѣтокъ и статей не только въ русскихъ газетахъ и журналахъ, но и за границей. Такъ, въ *Temps* французскій депутатъ профессоръ славистъ, или какъ ихъ называютъ на Западѣ «оріенталистъ», Paul Boyer помѣстилъ статью, не лишенную интереса. Раньше онъ часто бывалъ въ Россіи, гдѣ у него много знакомыхъ. Въ Дерптъ онъ ѣхалъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ и былъ пріятно удивленъ, когда не встрѣтилъ ни рѣзкаго шовинизма, ни несправедливости въ оцѣнѣ заслугъ бывшаго Дерптскаго университета. Напротивъ, онъ обратилъ вниманіе на рѣзкую перемѣну, происшедшую въ политическомъ настроеніи университета. «Контрастъ между либеральнымъ настроеніемъ теперешняго университета и прежними убѣжденіями—въ высшей степени консервативными—очень разителенъ—замѣчаетъ онъ, по поводу избранія въ почетные члены Мечникова, Ковалевскаго, Пирлинга и Л. Толстого.

Таково впечатлѣніе, произведенное Юрьевскимъ университетомъ на иностранца, хорошо знающаго Россію.

Намъ остается съ своей стороны только пожелать скорѣйшаго уравниванія правъ Юрьевскаго университета съ правами другихъ университетовъ Россіи и допущенія благотворной свободы преподаванія и внутренняго самоуправленія, въ продолженіе почти 100 лѣтъ давшей яркіе результаты и доказательства своей цѣлесообразности.

М. Кречетовъ.